

ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ И НОРМЫ В СОДЕРЖАНИИ УЧЕБНИКОВ ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ: СЕГОДНЯ И 20 ЛЕТ НАЗАД[♦]

Окольская Лидия Александровна

Канд. социол. н., м.н.с.
Институт социологии РАН
Сектор исследований личности

Аннотация

В статье изложены результаты анализа трудовых ценностей и норм в содержании учебников для начальной школы, выступающих в качестве канала социализации в образовательной системе. Специфика трудовых ценностей и норм, транслируемых учебниками, привязывается к социально-экономической и идеологической обстановке в обществе в тот или иной период времени. Рассматривается трансформация образовательного канона, свершившаяся от позднесоветских лет до настоящего времени, а также направления изменения ценности труда как такового и отдельных трудовых норм — в частности, нормы достижения и трудовой мотивации. Механизмы, формирующие содержание школьных учебников, сопоставляются с процессами выстраивания канона в детской литературе.

Учебники являются важным инструментом социализации в любой образовательной системе, особенно в школе. Они участвуют в подготовке детей к будущей взрослой жизни, не только предоставляя им знания по тем или иным предметам, но и знакомя с распространенными в обществе ценностями и нормами поведения. Функция учебников состоит в том, чтобы донести до каждого ученика то, что «должен знать каждый», рассказать о простых и вместе с тем фундаментальных вещах.

Несмотря на кажущуюся прозрачность школьного учебника, научное исследование дает подчас неожиданные сведения о заложенных в нем посланиях, а также об обществе, где он был создан. Дело в том, что способы подачи информации в учебнике могут быть как явными, так и латентными. Способность образовательной системы в целом камуфлировать свои социализирующие послания была раскрыта еще в 1970-е гг. американскими учеными С. Баулсом и Г. Гинтисом¹, предложившими понятие *скрытого учебного плана* для обозначения данного свойства. Под скрытым учебным планом (*hidden curriculum*) понимается набор убеждений, ценностей, норм, которые преподаются учащимся неявным образом — через организацию учебного процесса, школьной жизни в целом и через некоторые конкретные педагогические практики. Такой способ передачи ценностей и норм уменьшает сопротивление учащихся влиянию школы и делает усвоение

[♦] Автор выражает глубокую благодарность своему научному руководителю, канд. психол. наук, доценту В.С. Магуну за конструктивную критику и ценные советы по содержанию и структуре данной работы.

¹ См.: Bowles, Samuel; Gintis, Herbert [1976]. *Schooling in capitalist America*. N.Y.: Basic Books, 1976.

ее программы более эффективным. В нашем исследовании ценностно-нормативное содержание учебников рассматривается как один из элементов скрытого учебного плана. Цель исследования состоит в том, чтобы раскрыть его содержание на примере отечественной учебной литературы. Мы намерены рассмотреть такой аспект содержания российских учебников, как *трудовые ценности и нормы*.

Как известно, работа и профессиональная самореализация занимают почетное место в системе ценностей многих обществ, включая и Россию. Одна из наиболее важных задач системы образования заключается в подготовке детей к миру труда, в который большинство из них вступает по достижении совершеннолетия. На основе здравого смысла можно предположить, что трудовая тематика обязательно должна освещаться в школьных учебниках, причем освещаться с позитивной эмоциональной окраской — как нечто полезное, нужное, необходимое человеку и обществу. Также вероятно, что трактовки трудовой тематики неодинаковы в разных обществах, и даже внутри одного социума трудовые ценности и нормы могут изменяться во времени, коррелируя с социальными и культурными изменениями. Мы считаем, что ценности и нормы в современных российских учебниках несколько отличаются от тех, что постулировались в советской учебной литературе. Правомерность наших предположений покажет эмпирическое исследование учебников.

По нашему мнению, трудовые ценности и нормы, прописанные в школьной литературе, продуктивно рассматривать в качестве элементов трудовой идеологии. Трудовую идеологию можно определить как систему убеждений, ценностей и норм относительно труда, разделяемых некоторым сообществом — систему, институционально зафиксированную и овеществленную в социальных практиках и артефактах. Так, например, трудовая идеология в СССР была закреплена в законодательстве (см. «Указ о тунеядцах» 1961 г. и другие нормативные акты), материализовалась в обычае субботников, движении ударников социалистического труда, в официальном статусе «Героя труда» и т.д.² Процесс создания учебников является одним из жанров идеологического творчества, и изменения в содержании учебников следует связывать с изменениями «большой идеологии» — в частности, в переломные для России 1990-е гг.

В данной работе трудовая идеология анализируется в связке с институтом образования и детской литературой — потоком текстов, пропускаемых через педагогическое сито и рекомендуемых для детского чтения. Ценностно-нормативное содержание этих текстов регламентируется уже на стадии их создания. В начале 1960-х гг. известный американский психолог и исследователь школьной литературы Д. Мак-Клелланд охарактеризовал деятельность составителей учебников и детских писателей следующим

---

² Идеологические трудовые ценности советского общества описывает Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С.113–144.

образом: «Авторы детских историй не просто дают волю самовыражению. Они пишут не для того, чтобы продемонстрировать ... свои творческие способности или выразить свои чувства. Они пишут для специфических аудиторий — детей и взрослых, имеющих отношение к образованию и принимающих решение о том, будут ли эти истории включены в учебник, или нет. Более того, они почти всегда опираются на традицию народных сказок, которые обычно широко известны в стране и имеют общественную ценность. В этих условиях они скорее производят нечто *типичное или общепринятое в данной культуре* (курсив мой — Л.О.), чем просто занимаются самовыражением»³.

Основной способ передачи учащимся трудовой идеологии через литературу заключается в наполнении текстов моделями для идентификации. В терминах концепции Л. Альтюссера этот прием можно считать разновидностью «окликанья» (то есть, обращения к читателю с побудительным утверждением, которое он должен воспринять как нечто само собой разумеющееся и ответить определенным образом)⁴. Анализируя советские учебники 1970-х гг. и детские журналы, британская исследовательница Ф. О'Делл установила, что они действительно настраивали читателя на идентификацию с положительными литературными героями⁵. Именно по этой причине, как будет показано ниже, выполненный нами анализ трудовых ценностей и норм в основном сфокусирован на *персонажах* произведений, входящих в школьные учебники.

Что именно рассказывают детям о труде художественные и научно-популярные тексты, какие нормы трудового поведения демонстрируют им персонажи, чем отличаются «трудовые» акценты современной и советской школьной литературы — вот вопросы, на которые мы постараемся ответить в данной работе.

Эмпирическая база и методы исследования

В качестве эмпирической базы данного исследования взяты российские и советские учебники для начальной школы, в общей сложности 30 экземпляров. Выбор начальной ступени среднего образования объясняется тем, что у младших школьников доверие к учебнику как к источнику информации значительно выше, и круг самих источников уже, чем у учащихся старших классов⁶. В начальной школе довольно сильна мотивация к учебе, дети больше ориентированы на усвоение передаваемой им информации. Это означает, что учебники более эффективно выполняют функцию социализации именно в младших классах и потому представляют больший интерес для исследователя.

Учебники для начальной школы обладают еще и тем достоинством, что их тексты имеют наиболее ясную, лаконичную, простую форму, доступную для понимания детей 6–10 лет и исключаящую

---

³ *McClelland, David C.* [1961]. *The achieving society*. Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1961. PP. 75–76.

⁴ См., напр., *Althusser, Louis* [1984]. *Ideology and ideological state apparatuses (Notes toward an investigation)* // *Althusser, Louis* [1984]. *Essays on ideology*. L.: Verso, 1984. PP. 1–60.

⁵ *O'Dell, Felicity A.* [1978]. *Socialisation through children's literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. PP. 97–119.

⁶ Данное обстоятельство подтверждают результаты социологических исследований, в частности см.: Собкин В.С. Телевидение и образование: опыт социологических исследований 1980–90-х // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Том V. Выпуск VII / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. С. 22–23, 27–28.

многозначное толкование. Это обстоятельство увеличивает надежность наших содержательных интерпретаций.

Отобранные учебники подразделялись на две основные группы:

1. 24 книги 2001–05 гг. издания. Это учебники по предметам «Литературное чтение»* и «Окружающий мир»** за 1–4 класс, выпущенные тремя ведущими российскими издательствами — «Просвещение», «Дрофа» и «Вентана-Граф». Указанные издательские дома производят не менее 80% генеральной совокупности учебников для начальной школы, поэтому отобранные книги являются наиболее типичными и широко распространенными российскими учебниками по соответствующим предметам.

2. 6 книг 1982–83 гг. издания, среди них «Родная речь» за 1–3 класс и «Природоведение» за 2–4 класс. Учебники выпущены «Просвещением» — в советское время единственным издательством, отвечавшим за обеспечение общеобразовательной школы учебной литературой. Существовавшая в сфере учебного книгоиздания монополия дала нам возможность охватить генеральную совокупность учебников начала 1980-х гг. по указанным предметам — литературу для массовой русскоязычной начальной школы, предназначенную для обучения детей с нормальным уровнем умственного и физического развития.

Дополнительным источником информации выступали нормативные акты и документы, регламентирующие содержание начального образования — главным образом, Федеральный компонент государственного стандарта общего образования (2004) и Программы восьмилетней школы (1982).

В качестве основного метода работы с эмпирическим материалом мы использовали контент-анализ — «систематическую числовую обработку, оценку и интерпретацию формы и содержания информационного источника»⁸. Наша задача заключалась в том, чтобы выделить в текстах учебников все упоминания о труде, подсчитать их общее количество, охарактеризовать содержание этих упоминаний по ряду показателей и определить частоту проявления различных особенностей «трудовой» тематики.

Обработка текстов происходила в два этапа. На первом этапе единицами анализа выступали *отдельные тексты* (рассказы, очерки, стихи, научно-популярные статьи). Нужно было выделить тексты, где упоминается труд, из общего массива, и оценить уровень их распространенности в учебниках. При этом под «трудом» понималась деятельность, которая требует усилий, временных затрат и ориентирована на позитивный, созидательный результат, выражающийся в изменении свойств окружающей среды или самого субъек-

---

* Новое название учебного курса «Родная речь». По задачам и характеру содержания эти курсы идентичны.

** Учебный курс, заменивший «Природоведение» в начальной школе и отличающийся от него существенным расширением социальной компоненты содержания — основ обществоведения, истории, психологии и т.д.

⁸ Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования: Пер. с англ. / Предисловие А.К. Соколова. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. С. 270.

та деятельности. Военная служба, учеба и игровые виды деятельности, направленные на созидание и требующие усилий, также считались трудом. (Термины «труд» и «работа» рассматривались как синонимы). Вместе с примерами труда, но со знаком «минус», фиксировались также случаи лени и праздности, явным образом противопоставленные трудовой активности. Сразу заметим, что таких случаев в текстах учебников оказалось очень мало.

На втором этапе отобранные тексты, где упоминается труд, изучались сквозь призму *трудящихся персонажей*. Персонажи рассказов и очерков для детей были квази-респондентами, которым «задавались вопросы» исходя из специально разработанного кодификатора. «Ответы» были получены на основе анализа соответствующих текстовых фрагментов и занесены в базу данных, предназначенную для статистической обработки. Напомним, что поиск и описание трудящихся персонажей производились в учебниках по двум школьным предметам — «Литературному чтению» и «Окружающему миру» (советское «Природоведение»). Процедуры работы с данными были идентичными для обоих предметов.

Выбор персонажей в качестве единицы анализа обусловлен тем, что, как упоминалось выше, именно они могут служить для детей идентификационными моделями. Трудовые ценности и нормы реконструировались по личным качествам и особенностям поведения трудящихся или, напротив, откровенно ленивых персонажей учебников. В ходе контент-анализа фиксировались следующие их свойства:

- социально-демографическая принадлежность (кто работает);
- состав видов труда и сфер занятости (каким трудом занимаются);
- коллективизм и индивидуализм в труде;
- содержание трудовой мотивации, мотивации достижения, удовлетворенности трудом;
- организация труда.

Полученные в результате кодификации количественные данные были подвергнуты статистической обработке и анализу, что дало возможность охарактеризовать ценностно-нормативное содержание учебников для начальной школы.

Общие свойства ценностно-нормативного содержания российских и советских учебников

По итогам проведенного исследования нам удалось выделить черты, общие для современных и советских учебников, и обнаружить основные направления тех изменений, которые произошли в подаче «трудовой» темы за последние 20 лет. Кроме того, были сформулированы типичные процедуры конструирования учебников, посредством которых совершалась эволюция советских изданий в современные российские аналоги. Рассмотрим подробно эти содержательные результаты.

Результаты контент-анализа показали, что учебники для начальной школы по чтению и природоведению («Окружающему миру») содержат развитую систему ценностей и норм, касающихся труда. Адресованные младшим школьникам высказывания на эту

тему почти всегда относят труд к числу важных жизненных ценностей и задают нормы, предписывающие человеку работать. В одних случаях ценность труда находится в центре внимания, в других о труде упоминается вскользь, как о естественном, обыденном элементе жизни. Послания, с различной силой и открытостью утверждающие ценность труда, заложены в 46% учебных текстов 1980-х гг. и продолжают встречаться в 35% текстов сегодня. Таким образом, труд действительно является одной из фундаментальных тем, о которых принято рассказывать детям в школьных учебниках.

Таблица 1. Характер и способы выражения оценки труда в учебниках.

	Доля персонажей, %	
	Общее число персонажей = 1978	
	Учебники 1982–83 гг.	Учебники 2000–05 гг.
Оценка труда		
- Позитивная или нейтральная	95	92
- Негативная	5	8
Тип оценки персонажа		
- Позитивная или нейтральная оценка трудолюбия	93	90
- Негативная оценка лени и праздности	5	4
- Тип оценки не определен	2	5

И в современных, и в советских учебниках акцент на ценности труда достигается не только за счет большого количества упоминаний о труде, но и за счет отчетливой позитивной оценки трудящихся персонажей — например, такого рода:

«Мастер долго любовался работой, потом молча обнял Митю».

(Б.В. Шергин «Собирай по ягодке — наберешь кузовок»)

Позитивные оценки работающих героев составляют более 90% в обеих подвыборках (см. табл. 1). Ситуации, когда чья-нибудь работа выставляется в негативном свете, являются исключениями из общего правила (5–8%). Подобные негативные оценки возникают обычно в тех случаях, когда проблематизируется экологический ущерб, наносимый человеком окружающей среде в процессе труда (что характерно для современных изданий). Советским учебникам свойственно отрицательно оценивать трудовую деятельность класса собственников, указывать на эксплуатацию пролетариата и прочие изъяны капиталистического строя. В таком контексте труд может получить негативную оценку.

В целом же, ценность трудолюбия признается авторами учебников настолько важной, что они избегают упоминаний лени и праздности — даже в негативном свете. Утверждение ценности труда путем осуждения лени почти не встречается в учебниках, составляет не более 4–5% выборки (см. табл. 1). Само слово «лень» фактически табуируется. По-видимому, стремясь не показывать детям негативные поведенческие модели, составители избегают известных фольклорных произведений, герои которых показывают

себя откровенными лодырями и бездельниками (Емеля на печи и пр.). Такие тексты в большинстве случаев остаются за пределами школьной программы.

Итак, ключевой способ утверждения ценности труда и связанных с нею норм заключается в предъявлении школьникам-читателям работающих персонажей учебных текстов. Эти герои составляют более 90% в нашей выборке. Большинство из них положительно оценивается авторами текстов и выступает в качестве потенциальных объектов идентификации и образцов для подражания. Но даже если эксплицитная оценка персонажа в тексте отсутствует, и он подается автором эмоционально нейтрально, то сам факт его включения в текст означает, по нашему мнению, привлечение к нему внимания читателя. Это имплицитная поддержка определенных характеристик и способ задания их читателю в качестве социальной нормы, социального образца. Следовательно, характеристики персонажей, нейтрально или положительно оцениваемых в текстах, а также соответствующим образом оцениваемые особенности их трудового поведения дают представление о тех ценностях и нормах, которые несет в себе текст учебника.

В числе характеристик персонажей выделяются, с одной стороны, свойства, на которых сосредоточивает внимание автор текста, и которые чаще становятся предметом эксплицитной оценки. Они как бы «подсвечиваются» автором, и на них фокусируется внимание читателя. С другой стороны, есть характеристики, которые находятся «в тени» — в фоне, а не в фокусе внимания. И точно так же, как это имеет место в отношении оценочно «подсвеченных» и находящихся в тени персонажей, мы полагаем, что находящиеся в тени *характеристики* этих персонажей тоже не являются нормативно нейтральными. Само их присутствие в текстах является способом предъявления ценностей и социальных норм, причем при косвенном способе их задания они могут усваиваться даже лучше, чем эксплицитно заданные ценности и нормы. Данный феномен подтверждают результаты исследования П. Уиллиса⁹. Британский социолог, изучая содержание учебных видеофильмов о карьере, обнаружил, что гендерные элементы трудовой идеологии обычно не рефлексировались самими создателями учебных материалов и в то же время наиболее успешно усваиваются учащимися.

Взяв за основу данный подход к анализу способов предъявления ценностей и норм, мы пришли к следующим более конкретным выводам.

1. Тексты современных российских и позднесоветских учебников дают труду скорее *маскулинную окраску* и представляют его как *занятие взрослых*, а не детей. Количественный анализ показывает, что образ работника — это, как правило, образ взрослого мужчины.

---

⁹ Willis, Paul E. [1977]. Learning to labour: How working class kids get working class jobs. Farnborough, England: Saxon House, 1977. PP. 161–163.

Как видно из таблицы 2, женщины изображаются работающими примерно в 4 раза реже, чем мужчины, дети — в 3–4 раза реже, чем взрослые. По-видимому, российской трудовой идеологии, представленной в школьных учебниках, свойственны нормы половозрастного разделения труда, мужской активности, стереотип «кормильца». Это можно интерпретировать как отголосок патриархальных ценностей, согласно которым труд женщин и детей считается менее значимым для общества и потому в меньшей степени заслуживающим внимания и освещения в литературе. В современных учебниках частичный уход детских персонажей из сферы труда, снижение их доли с 27 до 16% можно трактовать как ослабление требований, предъявляемых взрослыми к ребенку, тенденцию разграничения взрослой жизни, привязанной к работе, и жизни детей, наполненной другими видами деятельности (игровыми, развлекательными и т.д.).

Таблица 2. Социально-демографический состав трудящихся персонажей учебников.

	Доля персонажей, %	
	Общее число персонажей = 1978	
	Учебники 1982–83 гг.	Учебники 2000–05 гг.
Пол персонажей		
- Мужчины	41	49
- Женщины	10	12
- Пол не определен	49	39
Возраст персонажей		
- Взрослые	71	75
- Дети	27	16
- Возраст не определен	2	8

2. Многие трудовые идеологии осуществляют ценностное ранжирование видов труда и занятий, маркируя одни как предпочтительные, другие — как нежелательные¹⁰. Мы попытались эмпирически выявить подобную дифференциацию в учебной программе современной российской и советской начальной школы. Как упоминалось выше, явной негативной оценки тех или иных занятий практически не было обнаружено. Тем не менее, иерархия видов труда все-таки выстраивается, но без помощи прямых оценочных приемов, а за счет неравной частоты упоминаний различных видов труда, среди которых одни лучше представлены в учебниках (и, значит, являются более «нормальными», нормативно одобренными и предписанными), другие упоминаются редко и, значит, санкционируются в меньшей степени.

Для учебной программы современной российской, а также советской школы физический труд более типичен, чем умственная деятельность. В обеих подвыборках им занимаются более 60% персонажей (см. табл. 3).

¹⁰ См., напр.: Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С.113–144; Ле Гофф Ж. Честные и бесчестные профессии на средневековом Западе // Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запады / Пер. с фр. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко под ред. В.А. Бабинцева. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 63–74.

Учебники исподволь предлагают читателям следующую норму: *большинство людей работает руками, меньшинство — головой**. Здесь можно провести параллель с аграрной, доиндустриальной идеологией, согласно которой наиболее «правильным», социально одобряемым видом деятельности является физический труд, в особенности земледельческий. Как будет показано ниже, в таблице 6, наиболее популярной сферой работы для персонажей и советских, и современных российских учебников выступает, как ни странно, сельское хозяйство. Работа на заводе и военная служба тоже довольно часто встречаются в учебной литературе, указывая на звучание индустриальных и милитаристских «голосов» в ценностно-нормативном ансамбле (см. табл. 6).

Таблица 3. Виды труда, которым занимаются персонажи учебников.

Вид труда	Доля персонажей, %	
	Общее число персонажей = 1978	
	Учебники 1982–83 гг.	Учебники 2000–05 гг.
Физический	68	62
Умственный	21	29
Организационный	2	5
Вид труда не определен	9	5

3. Важным элементом любой трудовой идеологии являются *мотивы труда* и их иерархия — представления о том, для чего трудится человек, что должно или не должно двигать им в работе. Анализ советских и современных учебных текстов позволил назвать два главных мотива работающих персонажей: *социальная миссия* (т.е., бескорыстная работа для Других) и *обеспечение своего хозяйства натуральным продуктом* (см. таблицу 4). Эти доминанты близки догматам Фомы Аквинского: «труд должен дать пропитание» и «труд позволяет творить милостыни»¹¹. В исследуемых нами учебных программах «пропитание» сохраняет натуральный характер, а в роли «милостыни» выступает скорее работа на благо общества в целом, чем отчуждение доли произведенной продукции в пользу конкретных «других». Мотивы же наемного и предпринимательского труда в учебниках упоминаются редко.

* Причем это избранное меньшинство, занятое умственной деятельностью, состоит почти исключительно из мужчин. Таким образом, гендерная асимметрия проявляется не только в частоте упоминания работающих женщин, но и в их профессиональном портрете.

¹¹ См.: Аквинский Ф. Сумма богословия. Цит. по: Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А.Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. С. 209.

Таблица 4. Мотивы труда персонажей учебников.

Мотивы труда персонажей	Доля персонажей, %	
	Общее число персонажей = 1978	
	Учебники 1982–83 гг.	Учебники 2000–05 гг.
Труд как социальная миссия	43	29
Обеспечение хозяйства натуральным продуктом	19	23
Наёмный труд ради заработка	5	10
Самосовершенствование	7	8
Предпринимательский труд ради прибыли	1	7
Труд по принуждению	-	2
Другое	3	2
Мотив не определен	22	20

Итак, получен примечательный результат: несмотря на высокое значение материалистических ценностей в жизни российского общества и мотивации труда людей¹² (как в настоящее время, так, в общем-то, и в советскую эпоху), учебники *не относят* получение прибыли и заработка к типичным, нормативно предписанным мотивам труда. Денежные отношения и отношения собственности занимают скорее маргинальное положение в системе трудовых ценностей и норм, транслируемых школьной программой. Это умолчание можно истолковать в духе концепции Н. Постмана¹³ — как установку *информационного протекционизма*, согласно которой детям следует предоставлять как можно меньше информации об «отрицательных» или сугубо «взрослых» аспектах социальной жизни. Такая установка характерна как для западных образовательных систем, так и для России. По-видимому, она основывается на убеждении, что раннее приобщение детей к инструментальным нормам может помешать их успешной социализации.

Умолчание о денежных отношениях в учебниках можно объяснить и воздействием советской трудовой идеологии, для которой, как показал В.С. Магун¹⁴, было характерно принижение материалистических мотивов труда, осуждение «личной выгоды», стремления к накоплению материальных ценностей («собственности», «вещизма») и противопоставление их духовным ценностям и труду на благо общества. Запрет предпринимательской деятельности на правовом уровне порождал недоверие к товарным или денежным операциям, которые превращались в неудобную для обсуждения, деликатную и даже опасную тему. Неудивительно, что авторы учебников предпочитали обходить ее стороной. В этой системе ценностей можно усмотреть отголоски христианской (православной или католической) трудовой идеологии, в целом негативно относившейся к финансовым и торговым профессиям, стяжательству и подвергавшей сомнению ценность земной собственности.

¹² Чрезвычайно высокая ценность «хорошего заработка» для населения России зафиксирована в масштабном исследовании «Поколение и гендер», проводившемся в 2004 г. См.: Магун В.С. Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991–2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. Том 4. № 4. С. 50.

¹³ См.: Ярин А. Нейл Постман. Исчезновение детства // Отечественные записки. 2004. № 3. Реф. по: *Postman, Neil* [1994]. *The disappearance of childhood*. N.Y.: Vintage Books (a division of Random House, Inc.), 1994.

¹⁴ См.: Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С.113–144.

Изменения в российских учебниках: 1980-е и 2000-е

За последние двадцать лет в российском образовании произошли существенные изменения, обусловленные социально-экономическими трансформациями и идеологическими сдвигами. Не могла не измениться и расстановка акцентов в ценностно-нормативном содержании учебников. В данном разделе будут показаны основные отличия современной школьной литературы от изданий предшествующего поколения, обозначены основные направления, в которых происходит трансформация трудовых ценностей и норм в учебниках.

По нашим наблюдениям, труд лишился своего исключительно высокого статуса, который подчеркивался в текстах советских учебников (и не только в них). Прежде всего, он стал заметно реже упоминаться в учебниках (частота трудовых посланий в 2000-е гг. снизилась до 35% по сравнению с 46% в начале 1980-х гг.). Одновременно с этим произошло ослабление позитивных эмоциональных ассоциаций с трудом. Например, реже стала акцентироваться радость, получаемая самим персонажем от процесса труда или его результатов. Величина данного показателя упала с 25% в советских учебниках до 9% в современных российских изданиях. Таким образом, норма трудового энтузиазма стала значительно менее обязательной и важной, чем раньше. По нашему мнению, в ее девальвации проявилась усталость российского общества от постоянного педалирования образов увлеченно трудящихся людей, характерных для советской идеологии и материализовавшихся в различных произведениях культуры (кино, живопись, скульптура и пр.).

Еще одно важное изменение, свидетельствующее о снижении статуса труда как жизненной ценности, выражается в ослаблении *нормы достижения*. Необходимость экстраординарных усилий — особая норма, которая содержится в учебниках наряду с трудолюбием. Она не столь распространена, но является существенным элементом трудовой идеологии, вписанной в школьную литературу. По мнению Д. Мак-Клелланда¹⁵, ценностно-нормативные послания учебников, мотивирующие юных читателей совершить нерядовой поступок, оказывают влияние на их будущую трудовую активность и потому выполняют очень важную социальную функцию. В нашем исследовании достижение операционализировалось через 5 индикаторов: *сложность труда для персонажа, сопряженность работы с опасностью или риском, ограниченные сроки*, в которые надо совершить работу (наличие аврала), *проявление персонажем инициативы и предложение им инновационных решений*. На основе этих признаков был сконструирован интегральный индекс, с помощью которого измерялся общий уровень достижения в советских и современных российских учебниках*. Значение индекса могло изменяться от 0 до 5 баллов, где 0 означал, что норма достижения персонажем никак не выражена, 5 — что она выражена максимально сильно.

Установлено, что мотивационные требования к совершению чрезвычайных усилий в современных учебниках значительно пони-

¹⁵ См McClelland, David C. [1961]. The achieving society. Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1961.

* Индекс изменяется от 0 до 5 баллов, где 0 — достижение не выражено, 5 — достижение выражено максимально сильно.

зились: если в 1980-е гг. величина индекса составляла 1,08 балла, то в 2000-е гг. — всего 0,61 балла. Несмотря на то, что трудовая идеология, сформулированная в современных учебниках, по-прежнему придает работе высокую значимость, *от человека уже не требуются подвиги*, экстраординарные усилия и жертвы.

В данном результате также можно увидеть логическое следствие отхода российского общества от советских идеологических клише, призывавших людей к постоянному «перевыполнению плана» и напряжению сил. В частности, такая динамика во многом обусловлена отказом от наиболее милитаризованных примеров достижения, порожденных «оборонным сознанием» советской идеологии. Изучая художественные предпочтения российских школьников, П.С. Писарский и В.С. Собкин¹⁶ зафиксировали резкое падение интереса старшеклассников к военно-патриотической и советской литературе уже в 1991–94 гг. (по сравнению с 1976 г.). Исследователи интерпретировали данное явление как вытеснение из культуры «жертвенной» модели достижения, характерной для советской идеологии. Наши данные свидетельствуют, что подобное вытеснение происходило не только «снизу» (у школьников-читателей), но и «сверху» (у составителей учебников).

Несмотря на кажущуюся закономерность данного феномена, все-таки неожиданно, что вызовы сегодняшней социально-экономической реальности и культ личного успеха в произведениях массовой культуры не проникли в современные учебники и никак не отразились в них. Это противоречие могло бы стать предметом серьезной дискуссии для социологов и педагогов.

Чрезвычайно важное изменение трудовой идеологии, выраженной в учебниках для начальной школы, заключается в смещении нормативного акцента с *труда для Других* на *труд для себя*. Действительно, в изданиях начала 1980-х гг. трудовой деятельностью, направленной на принесение пользы обществу или некой социальной группе, занимались 43% персонажей, а на себя и свое ближайшее окружение работали 32%. В современных же учебниках соотношение мотивов поменялось на противоположное — 31 и 48% (см. табл. 5).

Таблица 5. Индивидуализация труда у персонажей учебников за 1980-е–2000-е гг.

	Доля персонажей, %	
	Общее число персонажей = 1978	
	Учебники 1982–83 гг.	Учебники 2000–05 гг.
Мотив труда		
Труд для Других	43	31
Труд для себя и семьи	32	48
Мотив труда не определен	25	21
Характер труда		
Индивидуальный, одиночный	35	51
Коллективный, групповой	51	42
Характер труда не определен	14	7

¹⁶ Писарский П.С., Собкин В.С. Учитель и старшеклассник в мире художественной культуры. М.: Центр социологии образования РАО, 1997. С. 59–62.

Данный результат можно интерпретировать как плавное усиление индивидуализма в противовес коллективизму, которое косвенно подтверждается еще и тем, что среди самих субъектов труда в современных российских учебниках стали гораздо чаще фигурировать индивиды, нежели коллективы. Расширение частной, приватной сферы фиксируется увеличением (пусть незначительным) доли домашнего труда в номенклатуре занятий, характерных для персонажей учебников (см. табл. 6). Таким образом, в учебниках наблюдается движение от нормы трудового подвига ради общественного блага к норме спокойного, обыденного труда для собственного благополучия индивида и его семьи. Это движение совершается медленно и постепенно, но само его присутствие не подлежит сомнению. В современных учебниках реже упоминаются нормы, регулирующие сам процесс труда. Например, входящая в состав индекса достижения норма аврального труда по своей представленности у персонажей снизилась с 18 до 6%. Интересно, что и противоположная по сути норма дисциплинированного, упорядоченного труда — актуальная, казалось бы, для капиталистического общества — тоже акцентируется в меньшей степени. Частота ее встречаемости уменьшилась с 12 до 3%.

Таблица 6. Городской и сельский труд, сферы труда персонажей учебников.

	Доля персонажей, %	
	Общее число персонажей = 1978	
	Учебники 1982–83 гг.	Учебники 2000–05 гг.
Место труда		
Труд в городе	25	34
Труд в селе	36	27
Место труда не определено	40	39
Сферы труда		
Сельское хозяйство	24	19
Промышленный труд	16	11
Военный, ратный труд	15	12
Учеба	7	7
Домашний труд	6	9
Труд в сфере науки и искусства	5	13
Труд в сфере услуг	4	11
Учительский труд	1	2
Ремесленный труд	1	5
Другое	8	4
Сфера труда не определена	13	7

Вместе с тем в учебниках происходит, хотя и не очень сильная, актуализация материалистических ценностей — в частности, за счет того, что в текстах начинают чаще фигурировать наемный и предпринимательский труд (см. табл. 4), появляются денежные отношения. Нормативный акцент понемногу смещается с села на город и связанные с ним виды деятельности. Модернизируются

профессии и занятия: большее значение обретает работа в области науки и искусства, в сфере услуг (как раз той, что перетягивает на себя трудовые ресурсы в современной российской экономике). Труд в сельском хозяйстве и в промышленности, хотя и сохраняет высокие ранги в рейтинге сфер занятости персонажей, встречается с меньшей частотой, чем раньше. Все это позволяет сделать вывод, что структура занятости, выстраиваемая современными учебниками, все же чувствительна к социально-экономическим изменениям, происходящим в России.

На основании всего этого можно заключить, что перечисленные выше изменения носят не радикально-революционный характер, а представляют собой мягкую трансформацию учебного канона, без резких разрывов с прошлым. Трудовая идеология учебников видоизменяется постепенно, сохраняя в себе одни элементы предшествующей системы ценностей и избавляясь от других. Все это — тенденции «второго плана», которые нелегко обнаружить простым чтением, без количественного анализа. По-видимому, звучащие в публичной сфере, в средствах массовой информации заявления о традиционализме учебной программы, о ее приверженности классическим произведениям и устаревшим интерпретациям обусловлены впечатлением от генеральных, более явных тенденций. Наше же исследование показывает, что современные российские учебники для начальной школы все же отличаются от аналогов двадцатилетней давности.

Механизмы трансформации образовательного канона

Работа по созданию школьных учебников сегодня является одной из форм спонтанного идеологического творчества — в частности, трудовой идеологии, которая часто возникает не по заранее подготовленному плану, но формируется непосредственно в результате селекции культурного материала и пересмотра учебного канона. О большой мере свободы авторов-составителей современных учебников свидетельствует тот факт, что в действующих сегодня государственных стандартах по образованию только в обобщенном виде утверждается, что учащимся необходимо прививать представление о высокой ценности труда. Виды и мотивы труда, достижения и прочие аспекты практически не конкретизируются.

Несмотря на то, что государственные стандарты по образованию дают составителям довольно высокую степень свободы, между разными издательскими версиями современных российских учебников имеется *значительное сходство* в объеме трудовой тематики и способах ее предъявления читателям. Распространенность упоминаний о труде в учебных комплектах разных издательств почти одинакова. Это свидетельствует о существовании у составителей учебников устойчивых представлений о необходимости освещения темы труда и утверждения его ценности в школьной литературе.

Одно из основных наблюдений, сделанных в ходе нашего исследования, касается характера преемственности между совре-

менными и советскими учебниками. Стратегия многих авторов при составлении учебников, несомненно, подразумевает использование достижений советской традиции. Это не удивительно, так как современная литература зачастую создается теми же людьми, которые писали советские учебники. Составители работают с содержательным корпусом советских учебников и хрестоматий, производя из него выборку текстов, которые можно адаптировать к современной социально-экономической ситуации. В ходе этой деятельности одни тексты исключаются, выбрасываются как неактуальные, взамен в учебник включаются другие. Рассмотрим более подробно эти два процесса — исключения и включения.

В процессе исключения текстов из содержательного «советского» ядра ключевую роль сыграл фактор отказа от советской идеологии. Прежде всего, из учебников исчезла устаревшая символика, описания прежних институтов и организаций (например, пионерии, колхозов, КПСС и т.д.). Исключение «слишком советских» текстов привело к определенным сдвигам в ценностно-нормативном содержании — причем таким, к которых, возможно, совсем не стремились составители. Например, описанное выше падение мотивации достижения произошло, как выяснилось, в основном за счет исключения советских произведений военно-патриотической тематики. В учебниках 1980-х гг. именно рассказы о военных подвигах обеспечивали высокий уровень мотивации достижения, альтруистической мотивации труда, нормы трудового энтузиазма. Компенсации же достигательных норм в текстах учебников не произошло — по-видимому, из-за нехватки в образовательном каноне культурных образцов, которые бы иллюстрировали достижения в мирной, а не военной обстановке. По аналогии, падение нормы трудовой дисциплины и порядка, возможно, связано с вытеснением произведений о пионерах и октябрятках, на примере которых читателям подавалась данная норма.

В определенной мере происходит и включение новых материалов в учебники. Взамен исключенных текстов в современные учебники вливаются идеологически нейтральные произведения советских писателей и поэтов, некоторые тексты из досоветской или зарубежной детской литературы. Особенно заметно обновленное содержание учебников «Окружающего мира»: именно они предоставляют детям информацию о современной жизни, знакомят их с новыми профессиями, передают новые ценности и нормы, связанные с трудом.

И все же составители учебников, как правило, отдают предпочтение текстам, которые уже прошли проверку временем, поэтому учебники чаще пополняются за счет давно созданных произведений, которые не входили в школьную программу раньше. Эти тексты тоже транслируют несовременные образцы трудовых ценностей и норм. Дефицит современных образцов особенно характерен для учебников по чтению, авторы которых в большей степени опираются на литературную детскую классику.

Таким образом, процесс включения новой информации в школьную программу идет гораздо более осторожно, чем процесс исключения старого. В результате этой асимметричной трансформации не происходит компенсации некоторых ценностей и норм, которые в рамках логики социально-экономического развития российского общества должны бы быть востребованы — например, мотивации достижения. Диалектика всех этих процессов формирует ценностно-нормативное содержание современных учебников.

Данная тенденция — акцент на «спасительной» классике и нехватка актуальных отечественных новинок — характеризует и состояние современной детской литературы и детского чтения в более широком контексте, вне связи со школьной программой. Известно, что канонические детские книги, написанные в советское время А.Л. Барто, С.Я. Маршак, С.В. Михалковым, Н.Н. Носовым, А.Н. Толстым, К.И. Чуковским и другими авторами, сохраняют высокую популярность и активно переиздаются сегодня¹⁷. Одним из факторов их устойчивости следует считать желание современных родителей включить детей в мир собственного детства, познакомить со своими любимыми героями. Эту особенность, несомненно, учитывают и издатели, формируя свой ассортимент. Отбор родителями и издателями книг для детского чтения схож с механизмом реформирования учебников в том, что они пытаются предлагать младшему поколению наиболее универсальные образцы из культуры прошлого, отфильтровав ортодоксальные советские произведения. Бессознательность ценностно-нормативного отбора в данном случае более очевидна, чем когда речь идет о государственной системе образования. Родителя или издателя трудно заподозрить в том, что он купил или напечатал книгу потому, что в ней ярко выражена ценность труда или чего бы то ни было еще. Мотивом родителя, скорее всего, являются позитивные ощущения, полученные им от чтения книги в детстве, мотивом издателя — рыночный спрос, во многом (хотя и не полностью) формируемый родителями.

Наряду с такой, в общем-то, консервирующей установкой существует и ориентация на новое. Современные дети заявляют о своей потребности в свежих произведениях, игнорируя классику или увлекаясь популярной зарубежной литературой (что особенно ярко проявляется в подростковом возрасте). Вторжение переводных изданий в поле детского чтения воспринимается с беспокойством отечественными литераторами и образовательными деятелями, поднимающими вопрос о поиске новых талантов¹⁸.

Между тем, проблема создания нового пласта литературы, которая содержала бы актуальные для современного ребенка обра-

---

¹⁷ Об этом свидетельствуют, в частности, данные Российской книжной палаты о наиболее издаваемых авторах детской литературы (2005 г.).

¹⁸ См., напр.: Арзамасцева И. Звезды должны загораться ежегодно: Детская литература в России переживает системный кризис // Учительская газета. 05.11.2004. 19 (9996);
Конрадова Н. Диктатура позитивности: О болезнях детской литературы // Полит.ру. М., 23.01.2004. http://bilingua.org.ru/culture/2004/01/23/chilit_print.html.

зы и послания, отнюдь не нова. В 20–30-е гг. XX в. потребность советского общества в новой детской литературе, отвечающей изменившимся ценностно-нормативным приоритетам общества, была хорошо осознана советскими интеллектуалами (М. Горьким, К.И. Чуковским, А.Н. Толстым, С.Я. Маршаком и др.). Предложенное ими решение заключалось в создании произведений, сочетающих, с одной стороны, элементы злободневности и реализма (не только идеологические, но и чисто бытовые), с другой — элементы сказочности¹⁹. Так, в «Крокодиле» Чуковского местом разворачивания сюжета впервые стала улица большого города со всеми ее атрибутами — трамваями, мостами, зоопарками и т.д. В этом урбанистическом контексте происходили фантастические события, в центре которых действовал маленький мальчик. Автор позиционировал «Крокодила» как героическую поэму, побуждающую к совершению подвигов, и именно так ее восприняли читатели. Образец достижения, облеченный в актуальную канву, оказался высоко востребован детьми и сохранил свою популярность много десятилетий спустя. Возможно, современные авторы, пишущие для детей, сумеют вновь воспользоваться этим секретом, и отечественная детская литература — а вслед за ней и школьная программа — сможет пополниться новыми текстами, отражающими ценности и устремления российского общества в XXI веке.

Литература

1. *Арзамасцева И.* Звезды должны зажигаться ежегодно: Детская литература в России переживает системный кризис // Учительская газета. 05.11.2004. 19 (9996).
2. *Конрадова Н.* Диктатура позитивности: О болезнях детской литературы // Полит.ру. М., 23.01.2004. http://bilingua.org.ru/culture/2004/01/23/chilit_print.html.
3. *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. / Общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; Послесл. А.Я. Гуревича. М.: Прогресс, Прогресс-Академия, 1992.
4. *Ле Гофф Ж.* Честные и бесчестные профессии на средневековом Западе // Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Пер. с фр. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко под ред. В.А. Бабинцева. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. С. 63–74.
5. *Магун В.С.* Динамика трудовых ценностей российских работников, 1991–2004 гг. // Российский журнал менеджмента. 2006. Том 4. № 4. С. 45–74.
6. *Магун В.С.* Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. 1998. № 4. С.113–144.
7. *Мангейм Дж.Б., Рич Р.К.* Политология. Методы исследования: Пер. с англ. / Предисловие А.К. Соколова. М.: Издательство «Весь Мир», 1997. С. 269–291.
8. *Петровский М.С.* Книжки нашего детства. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006.
9. *Писарский П.С., Собкин В.С.* Учитель и старшеклассник в мире художественной культуры. М.: Центр социологии образования РАО, 1997.
10. *Собкин В.С.* Телевидение и образование: опыт социологических исследований 1980–90-х // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. Том V. Выпуск VII / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. С. 11–94.

---

¹⁹ Петровский М.С. Книжки нашего детства. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2006. С. 54–55.

11. Ярин А. Нейл Постман. Исчезновение детства // Отечественные записки. 2004. № 3. Реф. по: *Postman, Neil* [1994]. *The disappearance of childhood*. N.Y.: Vintage Books (a division of Random House, Inc.), 1994.
12. *Althusser, Louis* [1984]. *Ideology and ideological state apparatuses (Notes toward an investigation)* // *Althusser, Louis* [1984]. *Essays on ideology*. L.: Verso, 1984. PP. 1–60.
13. *Bowles, Samuel, Gintis, Herbert* [1976]. *Schooling in capitalist America*. N.Y.: Basic Books, 1976.
14. *McClelland, David C.* [1961]. *The achieving society*. Princeton, N.J.: Van Nostrand, 1961.
15. *O'Dell, Felicity A.* [1978]. *Socialisation through children's literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.
16. *Willis, Paul E.* [1977]. *Learning to labour: How working class kids get working class jobs*. Farnborough, England: Saxon House, 1977.